

**Взгляд
на историю
установления
государственного
порядка в России
до Петра Великого**

С. М. Соловьёв

Annotation

Подбирая материалы, составители, прежде всего, стремились как можно более полно (разумеется, с учетом компактности данного издания) представить взгляды С.М.Соловьева на различные проблемы истории России, начиная с эпохи Киевской Руси и заканчивая царствованием императора Александра I.

Исследовательским работам С.М.Соловьева предпосланы его автобиографические записки, позволяющие читателю взглянуть на личность великого историка его собственными глазами.

-
- [С. М. Соловьев](#)
 - [ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ](#)
 - [ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ](#)
 - [ЧТЕНИЕ ТРЕТИЕ](#)
 - [ЧТЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

С. М. Соловьев

**Взгляд на историю установления
государственного порядка в России до
Петра Великого**

ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ

Если к каждому частному человеку можно обратиться с вопросом: «Скажи нам, с кем ты знаком, и мы скажем тебе, кто ты таков», то к целому народу можно обратиться со следующими словами: «Расскажи нам свою историю, и мы скажем тебе, кто ты таков».

В настоящее время, когда у нас обнаружилась такая сильная потребность познать свое прошлое, познать, кто мы таковы, я не решился занять ваше внимание, мм. гг. [1], изложением событий внешней отечественной истории, но счел более приличным представить в сжатом очерке важнейшую сторону нашей внутренней истории, именно постепенное установление государственного порядка, или, как выражались наши предки, наряда в Русской земле.

Где, при каких природных влияниях действовал народ и с какими чужими народами и государствами изначала и преимущественно должен был иметь дело — вот первые вопросы в истории каждого народа.

Задолго до начала нашего летосчисления знаменитый грек, которого зовут отцом истории, посетил нынешнюю Южную Россию: верным взглядом взглянул он на страну, на племена, в ней жившие, и записал в своей бессмертной книге, что племена эти ведут образ жизни, какой указала им природа страны. Прошло много веков, несколько раз племена сменились одни другими, образовалось могущественное государство; но явление, замеченное Геродотом, остается по-прежнему в силе: ход событий постоянно подчиняется природным условиям.

Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит резких переходов. Однообразие природных форм ослабляет областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению, — и равнина,

как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразит она путешественника чудесами; одно только поразило в ней наблюдательного Геродота. «В Скифии, — говорит он, — нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих: они велики и многочисленны». В самом деле, обширному пространству древней Скифии соответствуют исполинские системы рек, которые почти переплетаются между собою и составляют таким образом по всей стране водную сеть, из которой народонаселению трудно было высвободиться для особой жизни. Как везде, так и у нас реки служили проводниками первому народонаселению, по ним сели племена, на них явились первые города. Так как самые большие из них текут на восток или юго-восток, то этим условилось и преимущественное распространение русской государственной области в означенную сторону. Реки много содействовали единству народному и государственному, и при всем том особые речные системы определяли вначале особые системы областей, княжеств. Так, по четырем главным речным системам Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская; вторую — область Западной Двины, то есть область Кривская, или Полоцкая; третью — область Днепра, то есть область древней собственной Руси; четвертую — область верхней Волги, область Ростовская.

Великая равнина открыта на юго-восток, соприкасается непосредственно со степями Средней Азии: толпы кочевых народов с незапамятных пор проходят в широкие ворота между Уральским хребтом и Каспийским морем и занимают привольные для них страны в низовьях Волги, Дона и Днепра; древняя история видит их здесь постоянно господствующими. Как на ясной памяти истории в нынешней Южной России господство одного кочевого народа сменялось господством другого, жившего далее на восток, так и в древние времена господство скифов сменилось господством сарматов; но от этой перемены история, столь же мало выигрывала, как от смены печенегов половцами: переменялись имена, отношения остались

прежние, потому что быт народов, сменявших друг друга, был одинаков.

Ясное понятие об этом быте, противоположности его с бытом исторических народов может дать нам предание о походе персидского царя Дария Истаспа в Скифию. Скифы не встретили полчищ персидских, но стали удаляться в глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастание. Персы начали кружить за ними. Утомленный бесплодною погоней, Дарий наконец послал сказать скифскому царю: «Странный человек! Зачем бежишь ты дальше и дальше? Если чувствуешь себя в силах сопротивляться мне, то стой и бейся; если же нет, то остановись, поднеси своему повелителю в дар землю и воду и вступи с ним в разговор». Скиф отвечал: «Никогда еще ни перед одним человеком не бегал я из страха; не побегу и перед тобою; что делаю я теперь, то привык делать и во время мира; а почему не бьюсь с тобою, тому вот причины: у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться с вами из страха, что вы их завоюете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы; попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли мы биться с вами или нет». Одни кости мертвецов привязывали скифа к стране, и ничего, кроме могил, не оставил он в историческое наследие племенам грядущим.

У берегов Понта, при устьях больших рек, греческие города построили свои колонии для выгодной торговли с варварами. Можно видеть любопытную картину быта греческих колонистов в рассказе Диона Хризостома, который в одной из колоний, именно в Ольвии, искал убежища от преследований Домициана. Когда жители Ольвии увидели заморского оратора, то с греческою жадностью бросились послушать его речей: старики, начальники уселись на ступенях Юпитерова храма; толпа стояла с напряженным вниманием. Дион восхищался античным видом своих слушателей, которые все, подобно грекам Гомера, были с длинными волосами и длинными бородами; но все они были также вооружены: накануне толпы варваров показались перед городом; и в то время, когда Дион произносил свою речь, городские ворота были заперты и на укреплениях развевалось военное знамя; когда же нужно было выступить против варваров, то в рядах колонистов раздавались стихи Илиады, которую почти все ольвиополиты знали наизусть. Быть может, спросят: не производили

ли эти греческие колонии хотя медленного, но заметного в истории влияния на быт окружающих варваров? Известия древних показывают между скифами людей царского происхождения, оболщенных красотой греческих женщин и прелестями греческой цивилизации: они строят себе великолепные мраморные дворцы в колониях, даже ездят учиться в Грецию, но погибнут от рук единокровцев своих, как отступники отеческого обычая. Вторжение персов в Скифию не произвело ничего, кроме ускоренного движения ее обитателей; попытки Митридата возбудить Восток, мир варваров, против Рима остались также тщетными. Движения из Азии не могли возбудить исторической жизни в странах Понтийских. Но вот слышится предание о противоположном движении — с запада, из Европы — о движении племен, давших стране историю, племен славянских.

Славянское племя не помнит о своем приходе из Азии, о вожде, который вывел его оттуда; но оно сохранило предание о своем первоначальном пребывании на берегах Дуная, о движении оттуда на север и потом о вторичном движении на север и восток вследствие натиска от какого-то сильного врага. Это предание включает в себе факт, не подлежащий сомнению: древнее пребывание славян в придунайских странах оставило ясные следы в местных названиях; сильных врагов у славян на Дунае было много: с запада — кельты, с севера — германцы, с юга — римляне, с востока — азиатские орды; только на северо-восток открыт был свободный путь, только на северо-востоке славянское племя могло найти себе убежище, где, хотя не без сильных препятствий, успело основать государство и укрепить его в уединении, вдалеке от сильных влияний и натисков Запада, до тех пор пока оно, собравши силы, могло уже без опасения за свою независимость выступить на поприще и обнаружить со своей стороны влияние и на Восток, и на Запад.

Краткие, но ясные указания на быт славян впервые встречаем у Тацита: сравнивая славян с народами европейскими и азиатскими, оседлыми и кочевыми, среди которых они жили, Тацит говорит, что их должно отнести к первым, потому что они строят дома, носят щиты и сражаются пеши; все это, продолжает Тацит, совершенно отлично от сарматов, живущих в кибитке и на лошади. Таким образом, первое достоверное известие о быте славян представляет их нам народом оседлым, резко отличным от кочевников; в первый раз славянин

выводится на историческую сцену в виде европейского воина, пеш и со щитом. Такое-то племя явилось в областях нынешней России и расселилось на огромных пространствах, преимущественно по берегам больших рек.

Славяне жили особыми родами. «Каждый жил с родом своим, на своем месте, и владел родом своим», — говорит наш древний летописец. Когда умирал князь, старшина, глава рода, то место его заступал старший сын, который был для младших братьев вместо отца; по смерти последнего старшиною рода становился следующий за ним брат и так далее, всегда старший в целом роде. Таким образом, старшинство не переходило прямо от отца к сыну, не было исключительным достоянием одной линии, но каждый член рода имел право в свою очередь получать его. Легко понять, что при таком порядке вещей тишина и согласие внутри родов не могли долго сохраняться. Связь между членами общества была только чисто родовая и слабела тем более, отношения становились тем неопределеннее, чем в отдаленнейших степенях родства находился старшина к остальным членам рода; чем более размножались и расходились родовые линии, тем запутаннее и спорнее становились права на старшинство: отсюда необходимо проистекали несогласия, усобицы. При столкновениях отдельных родов дела также с трудом могли решаться миролюбиво, потому что каждый род, старшина каждого рода должен был блюсти честь и выгоды последнего и не уступать другим: отсюда необходимо также восстание рода на род, о чем свидетельствует летописец. Чтобы восстановить согласие, единство, наряд между родами, единственным средством было отдать решение родовых споров судье беспристрастному, призвать Князя — нарядника из чужа, из чужого рода: так и сделали несколько северных племен — славянских и финских, чем и положили начало Русскому государству в половине IX века.

Прежде нежели обратимся к следствиям этого великого события, бросим взгляд на состояние других европейских народов в означенное время. В других странах Европы в половине IX века происходили явления также великой важности. Знаменитая роль франкского племени и вождей его кончилась в начале IX века, когда оружием Карла Великого политические идеи Рима и Римская церковь покорили себе окончательно варварский мир и вождь франков был провозглашен

императором Римским. Духовное единство Западной Европы было скреплено окончательно с помощью Рима; теперь выступало на сцену другое, новое начало, принесенное варварами, германцами на почву империи; теперь начинается материальное распадение Карповой монархии, начинаются выработываться отдельные государства, члены западноевропейской конфедерации. IX век был веком образования государств как для Восточной, так и для Западной Европы, веком великих исторических определений, которые действуют во все продолжение новой европейской истории, действуют до сих пор. В то время, когда на Западе совершается трудный, болезненный процесс разложения Карповой монархии и образования новых государств, новых национальностей, Скандинавия, эта старинная колыбель народов, высылает многочисленные толпы своих пиратов, которым нет места на родной земле; но континент уже занят, скандинавам нет более возможности двигаться к югу сухим путем, как двигались их предшественники, — им открыто только море, они должны довольствоваться грабежами, опустошением морских и речных берегов.

В Византии происходит также важное явление: богословские споры, волновавшие ее до сих пор, прекратились; в 842 году, в год восшествия на престол императора Михаила, с которого наш летописец начинает свое летосчисление, созван был последний — Седьмой Вселенский Собор для окончательного утверждения догмата, как будто бы для того, чтобы этот окончательно установленный догмат передать славянским народам, среди которых в то же самое время начинает распространяться христианство; тогда же, в помощь этому распространению, является перевод Св. Писания на славянском языке благодаря святой ревности Кирилла и Мефодия. По следам знаменитых братьев обратимся к нашим западным и южным соплеменникам, судьбы которых должны обратить на себя наше особенное внимание.

По своему положению западные славяне должны были с самого начала войти во враждебные столкновения с германцами, сперва с турингами, а потом с франками. У последних Карловинги сменили Меровингов. Германские племена соединились в одну массу; дух единства, принятый германскими вождями на старинной почве Римской империи, не переставал одушевлять их, руководить их

поступками; потомок Геристаля принял титул Римского императора; располагая силами Западной Европы, Карл Великий двинулся на Восточную с проповедью римских начал, единства политического и религиозного. Что же могла противопоставить ему Восточная Европа? Народы, жившие в простоте первоначального быта, разрозненные и враждебные друг другу. Легко было предвидеть, что новый Цезарь получит такие же успехи над младенчествующими народами Восточной Европы, какие старый Цезарь получил некогда при покорении варварского народонаселения Европы Западной. По смерти Карла Великого преемники его уже не могли с таким постоянством и силою действовать против славян, и между последними видим стремление к самостоятельности, чем особенно отличаются князья Моравские. Но эти князья должны были понимать, что для независимого состояния Славянского государства прежде всего была необходима независимая славянская церковь; что с немецким духовенством нельзя было и думать о народной и государственной независимости славян; что с латинским богослужением христианство не могло принести пользы народу, который понимал новую веру только с внешней, обрядовой стороны и, разумеется, не мог не чуждаться ее.

Вот почему князья Моравские должны были обратиться к Византийскому двору, который мог прислать в Моравию славянских проповедников, учивших на славянском языке, могших устроить славянское богослужение и основать независимую славянскую церковь; близкий и недавний пример Болгарии должен был указать Моравским князьям на этот путь. Со стороны Византии нечего было опасаться притязаний, подобных германским: она была слишком слаба для этого, — и вот из Моравии отправляется в Константинополь посольство с просьбою о славянских учителях; просьба исполнена: знаменитые братья Кирилл и Мефодий распространяют славянское богослужение в Моравии и Паннонии. Но не западным славянам суждено было основать среди себя независимую славянскую церковь: в последнее десятилетие IX века на границах славянского мира явились венгры. Политика Дворов — Византийского и Немецкого — с самого начала обратила этот народ в орудие против Моравской державы. К несчастью для последней, в 894 году умер знаменитый князь ее Святополк; в то время, когда западным славянам нужно было сосредоточивать все свои силы для отпора двум могущественным

врагам — немцам и венграм, моравские владения разделились на части между сыновьями Святополка; вражда последних погубила страну, которая стала добычей венгров.

Разрушение Моравской державы и основание Венгерского государства в Паннонии имели важные следствия для славянского мира: славяне южные были отделены от северных; уничтожено былоцентральное владение, которое начало было соединять их, где произошло столкновение, загорелась сильная борьба между Востоком и Западом, между славянским и германским племенем, где с помощью Византии основалась славянская церковь; теперь Моравия пала, и связь славян с югом, с Грецией рушилась; венгры стали между ними. Славянская церковь не могла утвердиться еще, как была постигнута бурей, отторгнута от Византии, которая одна могла дать ей питание и укрепление. Таким образом, с уничтожением самой крепкой связи с Востоком, самой крепкой основы народной самостоятельности, западные славяне должны были по необходимости примкнуть к западному римско-германскому миру и в церковном и политическом отношении. Самостоятельное Славянское государство могло образоваться и окрепнуть только на отдаленном востоке, куда не достигали западные влияния, ни материальные, ни духовные. К судьбе этого-то государства мы теперь и обратимся.

Мы видели, как среди северных племен явился князь, призванный для установления наряда в Земле, взволнованной родовыми усобицами. Установление наряда среди племен, сосредоточение их около одного правительственного начала дали им силу; эту силою северных объединенных племен князь пользуются для того, чтобы подчинить себе, сосредоточить под своею властью и остальные племена, обитавшие в нынешней Средней и Южной России. Теперь предстоит нам вопрос: в каких же отношениях нашелся князь к племенам, призвавшим его и к подчинившимся впоследствии? Для решения этого вопроса должно обратиться к понятиям племен, призвавшим власть. Летописец прямо дает знать, что несколько отдельных родов, поселившись вместе, не имели возможности жить общию жизнью вследствие усобиц; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вместе. Племена знали по опыту, что мир, наряд, возможен только тогда, когда все живущие вместе составляют один род, с одним

общим родоначальником; и вот они хотят восстановить это прежнее единство; хотят, чтобы все роды соединились под одним общим старшиною, князем, который ко всем родам был бы одинаков, чего можно было достичь только тогда, когда этот старшина, князь, не принадлежал ни к одному роду, был из чужого рода. Они призвали князя, не имея возможности с этим именем соединять какое-либо другое новое значение, кроме значения родоначальника, старшего в роду.

Из этого значения князя уяснится нам круг его власти, его отношения к призвавшим племенам. Князь должен был княжить и владеть по буквальному смыслу летописи; он думал и гадал о своем владении, как старшина о своем роде, думал о строе земском, о ратях, об уставе земском. Вождь на войне, он был судьей во время мира; он наказывал преступников; его двор — место суда, его слуги — исполнители судебных приговоров; всякая перемена, всякий новый устав проистекал от него. Но если круг власти призванного князя был такой же, какой был круг власти прежнего родоначальника, то в первое время на отношениях князя к племенам отражалась еще вся неопределенность прежних родовых отношений, которой следствия и постепенное исчезновение мы увидим после. Теперь же мы должны обратиться к вопросу первой важности, а именно: что стало с прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племен? Удержали ли они прежнее значение относительно своих родов и, окружив нового князя из чужого рода, составили высшее сословие, боярство с важным земским значением, с могущественным влиянием на остальное народонаселение?

Соединение многих родов в одно целое, с одним общим князем во главе необходимо должно было поколебать значение прежних старшин, родоначальников; прежняя тесная связь всех родичей под властью одного старшины не была уже теперь более необходима в присутствии другой, высшей, общей власти. Само собою разумеется, что это понижение власти прежних родоначальников происходило постепенно: мы еще видим некоторое время старцев, участвующих в Советах князя, прежде нежели явились всеобщие Советы, или Веча; но общественная жизнь, получая все большее и большее развитие, условливала распадение родов на отдельные семьи, причем прежнее представительное значение старших в целом роде должно было мало-

помалу исчезать. Те исследователи, которые предполагают долговременное существование прежних славянских князей, или родоначальников, и те, который предполагают переход этих старшин в бояр с земским значением, забывают, что родовой быт славянских племен сохранился при своих первоначальных формах, не переходя в быт кланов, где старшинство было уже наследственно в одной линии, переходило от отца к сыну; тогда как у наших славян князь долженствовал быть старшим в целом роде, все линии рода были равны относительно старшинства: каждый член каждой линии мог быть старшим в целом роде, смотря по своему физическому старшинству. Следовательно, одна какая-нибудь линия не могла выдвинуться вперед пред другими, как скоро родовая связь между ними рушилась; никогда линия не могла получить большого значения по своему богатству, потому что при родовой связи имение было общее; как же скоро эта связь рушилась, то имущество разделялось поровну между равными в правах своими линиями: ясно, следовательно, что боярские роды не могли произойти от прежних славянских старшин, родоначальников, по ненаследственности этого звания в одной линии. Из этого ясно видно, что бояре наших первых князей не происходили от старинных родоначальников, но имели происхождение дружинное.

Таково было значение князя, таковы были отношения его к подчиненному народонаселению. Само собою разумеется, что эти отношения устанавливались не вдруг, но постепенно — у одних племен прежде, у других после: прежде — у племен, участвующих в призвании князя, после — у племен, подчинившихся позднее преемникам Рюрика и более отдаленных от главного места действия, то есть от водного пути между Новгородом и Киевом. Не вдруг, но мало-помалу обнаруживались и перемены в быту племен вследствие подчинения их одной общей власти: дань, за которую сам князь ходил, была первоначальным видом этого подчинения, связи с другими соподчиненными племенами. Но при таком виде подчиненности сознание этой связи, разумеется, было еще очень слабо. Гораздо важнее для общей связи племен и для скрепления связи каждого племени с общим средоточием была обязанность, вследствие которой сами племена должны были доставлять дань в определенное князем место, потому что с этим участие племен в общей жизни принимало

более деятельный характер. Но еще более способствовала сознанию о единстве та обязанность племен, по которой они должны были участвовать в походах княжеских на другие племена, на чужие народы: здесь члены различных племен, находившихся до того времени в весьма слабом соприкосновении друг с другом, участвовали в одной общей деятельности, составляли одну дружину под знаменами Русского князя. Здесь наглядным образом приобретали они понятие о своем единстве и, возвратясь домой, передавали это понятие своим родичам, рассказывая им о том, что они сделали вместе с другими племенами под предводительством Русского князя. Наконец, выходу племен из особого, родового быта, сосредоточению каждого из них около известных центров и более крепкой связи всех их с единым, общим для всей Земли средоточием способствовали построение городов князьями, умножение народонаселения, перевод его с севера на юг.

Мы коснулись непосредственного влияния княжеской власти на образование юного общества; но это влияние сильно обнаружилось еще посредством дружины, явившейся вместе с князьями. С самого начала мы видим около князя людей, которые сопровождают его на войну, во время мира составляют его Совет, исполняют его приказания, в виде посадников заступают его место в областях. Эти приближенные к князю люди, эта дружина княжеская, могущественно действуют на образование нового общества тем, что вносят в среду его новое начало, сословное, в противоположность прежнему, родовому. Является общество, члены которого связаны между собою не родовой связью, но товариществом; дружина, пришедшая с первыми князьями, состоит преимущественно из варягов; но в нее открыт доступ храбрым людям из всех стран и народов, преимущественно, разумеется, по самой близости туземцам. С появлением дружины среди славянских племен для их членов открылся свободный и почетный выход из родового быта в быт, основанный на других, новых началах; они получали возможность развивать свои силы, обнаруживать свои личные достоинства; получали возможность лично доблестью приобретать значение, тогда как в роде значение давалось известною степенью по родовой лестнице. В дружине члены родов получали возможность ценить себя и других по степени личной доблести, по степени той пользы, которую они доставляли князю и Земле. С появлением

дружины должно было явиться понятие о лучших, храбрейших людях, которые выделались из толпы людей темных, неизвестных, черных; явилось новое жизненное начало, средство к возбуждению сил в народе и к выходу их; темный, безразличный мир был встревожен, начали обозначаться формы, отдельные образы, разграничительные линии.

Обозначив влияние дружины вообще, мы должны обратиться к вопросу: в каком отношении находилась она к князю и Земле. Для легчайшего решения этого вопроса сравним отношения дружины к князю и Земле в Западной Европе и те же самые отношения у нас на Руси. На Западе около доблестного вождя собиралась толпа отважных людей с целью завоевания какой-нибудь страны, приобретения земель во владение. Здесь вождь зависел более от дружины, чем дружина от него; дружина не находилась к вождю в служебных отношениях; вождь был только первый между равными. «Мы избираем тебя в вожди, — говорила ему дружина, — и, куда поведет тебя твоя судьба, туда пойдем и мы за тобою; но, что будет приобретено общими нашими силами, то должно быть разделено между всеми нами, смотря по достоинству каждого». И действительно, когда дружина овладевала какою-нибудь страной, то каждый член варварского ополчения приобретал участок земли и нужное количество рабов для его обработки.

Но подобные отношения могли ли иметь место у нас на Руси с призванием князей? Мы видели, что князь был призван северными племенами как нарядник Земли; в значении князя этих племен, в значении князя известной страны, он расширяет свои владения. Около него видим дружину, которая постоянно пополняется новыми членами, пришлецами и туземцами, но ясно, что эти дружинники не могут иметь значения дружинников западных: они не могли явиться для того, чтобы делить Землю, ими не завоеванную, они могли явиться только для того, чтобы служить князю известных племен, известной страны. С другой стороны, если князь с дружиной покорил новые племена, то это покорение было особого рода: во-первых, князь покорял их не с одною дружиною, но соединенными силами всех, прежде подчинившихся племен; во-вторых, покоренные племена были рассеяны на огромном пустынном пространстве; на них налагалась дань — и только; но их не делили между членами дружины. Земли

было много у Русского князя; он мог, если хотел, раздавать ее своим дружинникам; но дело в том, выгодно ли было дружинникам брать ее без народонаселения; им гораздо выгоднее было оставаться при князе, ходить с ним за добычею на войну к народам, еще не покоренным, за данью к племенам подчи-ненным, продавать эту дань чужим народам — одним словом, получать от князя содержание непосредственно.

Замечено было, что князя принимали в свою дружину всякого витязя, из какого бы народа он ни был; каждый пришлец получал место, смотря по своей известности; в древних песнях наших читаем, что князь встречал неизвестных витязей следующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имени зовут:
А по имени вам мочно место дать,
По изотчеству мочно пожаловати.

Так было везде — так было и у нас. В скандинавских сагах читаем, что при Владимире княгиня, жена его, имела такую же многочисленную дружину, как и сам князь; муж и жена соперничали, у кого будет более знаменитых витязей; если являлся храбрый пришлец, то каждый из них старался привлечь его в свою дружину. Подтверждение этому известию находим также в наших старинных песнях: так, Владимир, посылая богатыря на подвиги, обращается к нему со следующими словами:

Гой еси, Иван Годинович!
Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей,
У княгини ты бери другое сто.

Чем знаменитее был князь, тем храбрее и многочисленнее были его сподвижники; каков был князь, такова была и дружина: дружина Игорева говорила: «Кто с морем советен» — и шла домой без боя; сподвижники Святослава были все похожи на него. «Где ляжет твоя голова, там и все мы головы свои сложим», — говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потерявши князя, считалось

страшным позором для доброго дружинника; и хороший вождь считал постыдным покинуть войско в опасности: так, Святослав не принял вызова Цимисхиева на поединок, конечно, не из трусости, но из того, чтобы не отделиться от дружины, не покинуть ее на жертву врагам в случае своей смерти. Так, во время похода Владимира Ярославича на греков тысяцкий Вышата сошел на берег к выброшенным бурей воинам и сказал: «Если буду жив, то с ними; если погибну, то с дружиною».

Было уже замечено, что дружина получала содержание от князя — пищу, одежду, коней и оружие. Дружина говорит Игорю: «Отроки Свенельдовы богаты оружием и платьем, а мы босы и наги; пойдем с нами в дань». Хороший князь ничего не жалел для дружины: он знал, что с многочисленными и храбрыми сподвижниками мог всегда приобрести богатую добычу; так говорил Владимир и давал частые обильные пиры дружине; так, о сыне его, Мстиславе, говорится, что он очень любил дружину, имения не щадил, в питье и пище ей не отказывал. При такой жизни вместе, в братском кружку, когда князь не жалел ничего для дружины, ясно, что он не скрывал от нее своих дум; что члены дружины были главными его советниками во всех делах; так, о Владимире говорится, что он любил дружину и думал с нею о строе земском, о ратях, об уставе земском. Святослав не хочет принимать христианства, потому что дружина станет смеяться. Бояре вместе с городскими старцами решают, что должны принести человеческую жертву; Владимир созывает бояр и старцев советоваться о перемене веры.

Кроме дружины войско составляли особые полки, набиравшиеся из народонаселения городского и сельского, к состоянию которого теперь и обратимся. Прежние города славянских племен были не иное что, как огороженные села, жители которых занимались земледелием. Это занятие всего более способствует сохранению родового быта: по смерти общего родоначальника сыновьям его и внукам выгодно поддерживать родовую связь, чтобы соединенными силами обрабатывать землю. Как же скоро среди народонаселения являются другие промыслы, мена, торговля; как скоро для членов рода является возможность избирать то или другое занятие по своим склонностям, является возможность посредством собственной самостоятельной деятельности приобрести более других членов рода, то с тем вместе

необходимо должно являться стремление выделиться из рода для самостоятельной жизни, самостоятельной деятельности. Различие занятий и мена условливались тем, что среди городов явился новый элемент народонаселения — воинские отряды, дружины князей. В некоторых городах поселились князья, в других — мужи княжие с воинскими отрядами; этот приплыв народонаселения со средствами к жизни, но не промышленного самого по себе, необходимо должен был породить торговлю и промышленность, которые в свою очередь должны были действовать на ослабление прежнего родового быта. Ослаблению родового быта в новых городах, построенных князьями, содействовало и то, что эти города обыкновенно наполнялись народонаселением, собранным из разных мест, преимущественно с севера. Переселенцы эти были вообще доступнее для принятия новых форм быта, новых условий общественной жизни, чем живущее рассеянно, отдельными родами сельское народонаселение; в городах сталкивались чужеродцы, для которых необходимы были новые отношения, новая гражданская связь. Наконец, ослаблению и падению родового быта в городах должно было много содействовать новое военное деление на десятки и сотни, над которыми поставлялись независимые от родовых старшин начальники — десятские, сотские. Что эти начальники сохраняли свое влияние и во время мира, доказательством служит важное влияние, гражданское значение тысяцкого: эти новые формы соединения, новые, чисто гражданские отношения необходимо должны были наносить удар старым формам быта. Появление города пробуждало жизнь и в ближайшем к нему сельском народонаселении: в городе образовался правительственный центр, к которому должно было тянуть окружное сельское народонаселение. Сельчане, которые прежде раз в год входили в сношения с княжескою властью при платеже дани, теперь входили в сношения с нею гораздо чаще, потому что в ближайшем городе сидел муж, княж, посадник; потом, как скоро городское народонаселение получило другой характер, чем прежде, то между ним и сельским народонаселением необходимо должна была возникнуть торговля вследствие различия занятий. С другой стороны, подле городов начали появляться села с народонаселением особого рода: князья, их дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя их рабами, купленными или взятыми в плен, также наемными

работниками. Так посредством городов, этих правительственных колоний, наносился удар родовой особенности, в какой прежде жили племена, и вместо племенных названий встречаем уже областные, заимствованные от главных городов.

Так были положены основы русскому обществу; таковы были перемены, произведенные новыми началами в быте восточных племен славянских. Но легко заметить, что в начертанной картине образования юного русского общества чего-то недостает, и недостает самого главного, недостает — духовного начала. Как в дивном видении ветхозаветного пророка мы видим, что кости складываются с костями, связываются с жилами, облекаются плотию — но духа еще нет в новом теле: этот дух принесен был христианством.

ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ

В предшествующую беседу мы видели, как положены были основы русского общества; мы видели, как сложились его части; но мы заметили, что не было еще духовного начала, которое бы дало этим частям духовную связь, духовное единство: это духовное начало явилось вместе с христианством, принесенным в Россию из Византии. Прежде нежели приступим к рассказу о принятии христианства, его распространении и влиянии на новорожденное общество, считаем нужным сказать несколько слов о том князе, которому суждено было сделаться просветителем русского народа. Мы видели, какими способами и путями начало, призванное для установления наряда, исполнило свое назначение в первое время существования русского общества; мы видели, как правительственное начало собирало племена, рассеянные на безмерном пространстве, сосредоточивало их около правительственных центров — около городов; каким образом переводило оно народонаселение из быта племенного в быт областной. С другой стороны, правительственное начало должно было стоять на стороже Русской земли; должно было постоянно защищать это юное общество, эти первые основы общества от непрестанных вторжений степных варваров — потому что Русское государство, передовое государство европейское, основалось на границах степей, на границах Европы с Азией.

Из князей, которые всего более старались об этом внутреннем наряде, предание выставляет нам два лица, соединенные в нем одним именем, одним прозванием, одинаковым характером деятельности, хотя эти два лица и разных полов: это князь Олег, второй по призванию, и княгиня Ольга, жена Игоря — третьего князя. Предание выставляет одинаковую деятельность этих двух лиц относительно устройства наряда в Земле, указывая, как эти лица старались определить отношения племен к главному центру, к сосредоточивающему началу; как, собирая эти племена, населяли пустынные страны, строили города. Мы сказали, что предание дает обоим этим лицам одно прозвание — «мудрых»; мы знаем, кого обыкновенно народное предание называет мудрыми, кому

приписывает это свойство: оно приписывается тем правительственным лицам, которые преимущественно заботятся о внутреннем наряде, о внутреннем благосостоянии общества.

Иначе рассказывает предание о сыне Ольги: Святослав в предании выставляется героем, вождем дружины по преимуществу, но не нарядником. В предании сохранилась жалоба, что он оставил родную страну для чужой, заботился о чужой стране, а между тем родную Землю без него едва было не взяли печенеги.

С другим характером является сын Святослава — Владимир. Это лицо есть любимый герой Древней Руси. Конечно, его великое значение как Апостола, просветителя Русской земли, дает ему право быть главным героем древней русской истории. Неудивительно потому в народных поэтических сказаниях видеть это лицо совопросником царя Давида, вместе с ним решающим важный вопрос о начале и конце мира. Но с Владимиром соединены еще и другие предания, которые не могут быть объяснены одним его религиозным значением: к княжению Владимира относится цикл богатырских наших песен и сказаний. Витязи, богатыри, главные герои этих преданий, суть сподвижники, дружинники Владимира; Владимир — тот князь, который распоряжается их подвигами. Отчего же в этих сказаниях о героических подвигах богатырей играет главную роль Владимир, а не отец его Святослав, герой по преимуществу? Если мы обратимся к летописи, то она точно укажет нам, что Владимир совершил много походов, преимущественно с той целью, чтобы скрепить окончательно между племенами связь, ослабевшую во время удаления отца его в Болгарию и во время междоусобий братьев. Но преимущественная деятельность Владимира состояла в том, что он отражал степных варваров, сдерживал их стремления против новорожденного общества; около Киева, около центра русского общества в то время, с целью защиты от нападений варваров построил ряд городов; все его княжение проходит большею частью в битвах с варварами. Здесь, в этих битвах, идет дело о самых главных интересах общества, народа; здесь совершается борьба за имущество, свободу, жизнь. Неудивительно после того, что подвиги Святослава не могли служить содержанием народных песен и сказаний: они были совершаемы вдали от родной страны и не для родной страны, тогда как подвиги Владимира были совершаемы в виду всей Русской земли и с целью ее защиты от степных варваров: вот

почему благодарный народ так удержал в своей памяти Владимира и сделал его героем целого цикла богатырских преданий; а между тем сам Владимир не был богатырем, как был отец его Святослав. Но Владимир, кроме того, заслужил еще народную добрую память другими чертами своего характера: из сличения всех преданий, записанных в летописи и существующих в народных сказаниях, мы видим, что этот князь имел широкую, любящую душу и потому не любил жить одиноко, но любил жить с другими вместе; а известно, как это качество способно приобретать любовь народа и добрую память.

Таков был князь, которому суждено было быть Апостолом России. Знакомство с христианством начинается очень рано в нашем отечестве вследствие ранних походов русских князей и племен на Константинополь: уже во время похода Игоря, третьего русского князя, летопись говорит о христианах, бывших в его войске, и о церкви христианской, находившейся в Киеве. Раннее распространение и усиление христианства на Руси доказываются и тем, что после Игоря жена его Ольга, управлявшая делами нового общества за малолетством сына своего Святослава, принимает христианство: это явление было и следствием распространения христианства, и причиной дальнейшего его распространения. Но когда христианство начало усиливаться на Руси, в тогдашнем центре ее — Киеве, как скоро оно обратило на себя внимание, тогда необходимо было ожидать враждебного столкновения его с древней языческой религией. Когда Ольга увещевала сына своего принять христианство, он отказался: в характере Святослава лежало неодолимое препятствие к тому. Но, как сказано, самый пример Ольги должен был способствовать к усилению христианства, а вместе с успехами последнего должно было возникнуть и сопротивление со стороны язычества. Это сопротивление обозначается в летописи тем, что христиан хотя не притесняли, но смеялись над ними; борьба, таким образом, начиналась насмешками. Есть некоторые известия, что в конце княжения Святослава эта борьба приняла уже другой характер — насмешки превратились в притеснения. Но Святослав, преследуя христианство (если верить этим известиям), оставил, однако, по своему удалении малолетних сыновей своих при бабке их христианке, и есть также известие, что старший сын его Ярополк был привержен к христианству, хотя явно и не принимал его из страха пред сильной языческой стороною. Есть еще далее известие, что Владимир, князь

Новгородский, в борьбе с Ярополком был обязан успехам своим стараниям языческой стороны, которая не хотела Ярополка, но хотела князя вполне язычника.

Верность этого известия подтверждается тем, что, как скоро Владимир осилил брата и занял Киев, тогда мы видим язычество в полном разгаре. Никогда еще, по свидетельству летописи, язычество не выказывалось так резко на Руси, как в начале княжения Владимира; никогда не было приносимо так много жертв, требовались даже человеческие жертвы. Владимир, обязанный торжеством своим языческой стороне, спешит удовлетворить ей, спешит украсить язычество и языческий быт: он ставит изукрашенных идолов, приносит им частые жертвы. Но в этом самом торжестве язычества, этом старании поднять, украсить его, в этом самом мы видим уже признак его скорого падения: стараясь поднять язычество, стараясь украсить его, Владимир и те, которые содействовали ему в этом, истощали все средства язычества и тем резче обнаруживали всю его ничтожность, всю его несостоятельность пред другими религиями, особенно пред христианской. Что бывает иногда в жизни частных людей, то же замечается и в жизни целых обществ: мы видим иногда, что самые ревностные поклонники какого-нибудь начала, оставляя прежний предмет своего поклонения, вдруг переходят на другую сторону и действуют с удвоенною ревностию в ее пользу — это значит, что они в своем сознании истощили все средства своего прежнего поклонения. У нас на Руси, в Киеве, в малых размерах случилось то же самое, что некогда имело место в Риме, при императоре Юлиане: его ревность всего более способствовала падению язычества; он истощил все средства, которые могло дать язычество для умственной и нравственной жизни общества, и тем показал его ничтожность и несостоятельность пред христианством; так и наше языческое общество при Владимире, истощив все средства язычества, приготовило тем самым торжество христианства.

Под 983 годом летописец помещает следующий любопытный рассказ: пришел Владимир из похода против ятвягов, и начали приносить жертвы кумирам; собралась толпа и потребовала человеческой жертвы; кинули жребий — жребий пал на одного из варягов, который исповедовал христианскую веру вместе с отцом своим, принесшим ее из Константинополя. Толпа послала сказать

старика, чтобы он отдал сына своего в жертву богам; варяг отвечал: «Ваши боги суть дерево — ныне есть оно, завтра сгниет; один только Бог, Которому кланяются греки, Который сотворил небо и землю; а что сделали ваши боги? Они сами сделаны; не отдам сына своего бесам». Разъяренная толпа убила проповедника — ярость прошла, но проповедь осталась: «Ваши боги — дерево!» — и безответны стояли кумиры Владимира пред этим грозным вызовом. И в самом деле. что могла древняя наша языческая религия дать обществу; что могла выставить; что могла ответить на все те важные вопросы, которые задавали ей проповедники других религий, особенно религии христианской?

Одним из главных вопросов, которые беспокоили все северные народы и которые так сильно способствовали распространению между ними христианства, был вопрос о начале мира и о будущей жизни. Болгарское предание о принятии христианства говорит, что Болгарский князь всего более был поражен картиною Страшного Суда; то же самое повторяет предание и о нашем Владимире. В предании Владимир созывает старцев и бояр, чтобы посоветоваться с ними о вере; он говорит им: «Приходили ко мне проповедники разных вер; каждый хвалит свою веру; пришли и греки; они рассказали мне много о начале и конце мира; хитро говорят они, любо их слушать». Что этот вопрос о начале и конце мира сильно занимал северные народы и много способствовал к распространению между ними христианства — это доказывается тем, что подобное же предание находим мы и на противоположном конце Западной Европы, — знак, что это предание верно, верно духу времени и духу народов. Христианские проповедники приходят к одному англо-саксонскому королю; король подобно Владимиру созывает дружину и старшин для совещания, принять ли им новую веру или нет. И вот один из вождей говорит: «Ты, верно, припомнишь, князь, что случается иногда в зимнее время, когда ты с дружиною своей сидишь в теплой комнате, камин пылает, всем так хорошо, а на дворе вьюга, метель, дождь, снег; и вот иногда в это время случится, что маленькая птичка влетит в одну дверь и вылетит в другую: мгновение этого перелета так приятно ей. Но это мгновение кратко, и она снова погружается в бурю, и снова бьет ее ненастье: такова и жизнь наша, если сравнить ее с тем временем, которое ей предшествует и последует, — это время беспокоит и страшит нас

своею неизвестностию. Итак, если новое учение даст известие о том, что было и что будет, то стоит принять его».

Так говорят предания, являющиеся совершенно независимо одно от другого в разных концах Европы. На верность их указывает их согласие. Но есть еще другое предание, также несомненно верное: это предание о выборе веры. Оно говорит, что Владимир должен был выбирать из разных вер: язычество показало свою несостоятельность, нужно было переменить его на другую веру — и вот Владимир избирает из многих вер христианскую. Это предание также согласно с обстоятельствами времени и тогдашнего общества. Выбор из многих вер есть особенность русской истории: другим, западным народам нельзя было выбирать из многих вер, им можно было только переменить язычество на христианство. Но русское общество находилось на границах Европы и Азии; здесь, на этих границах, сталкивались не только разные народы, но и разные религии; следовательно, обществу в таких обстоятельствах должно было выбирать из разных религий. Далее, на Востоке, еще прежде основания Русского государства основалось Казарское царство, которое представляет нам несколько различных народов, соединенных вместе, и несколько различных религий: и вот у казар существовало предание, что их кагану нужно было также выбирать из разных вер; что к нему приходили проповедники от разных народов — азиатский народ выбирает веру иудейскую.

Теперь далее к западу, на границах Европы и Азии, основывается другое общество, с европейским населением и характером; но обстоятельства те же, и то же предание повторяется; на этот раз европейское общество выбирает христианство. Христианство было давно уже знакомо в Киеве вследствие тесных связей с Константинополем: русские люди часто бывали в Константинополе и приносили оттуда рассказы о чудесах греческой религии и гражданственности. Эти бывальцы в Византии, которые вместе с тем бывали и в других странах и имели случай сравнить различные религии, — эти бывалые люди имели полное право сказать Владимиру то, что в предании говорят ему бояре, отправленные им для испытания различных вер: «Лучше греческого богослужения, лучше греческой религии найти нельзя; всякой, отведав раз сладкое, не захочет

горького; если ты не примешь христианской веры, то мы уйдем назад в Константинополь».

Митрополит Иларион, современник Владимирового сына Ярослава, Иларион, авторитет которого для нас беспрекословен, говорит, что Владимир беспрестанно слышал о греческой вере, богослужении, о чудесах христианства. Но и для тех, которые не бывали в Константинополе, было свое туземное доказательство в пользу христианства. «Если бы христианство не было лучшею из религий, — говорили они Владимиру, — то твоя бабка Ольга не приняла бы его, а Ольга была мудрейшая из людей».

Таким образом, все было готово к принятию христианства. Прибавим еще и другое обстоятельство: Владимир был взят малюткой из Киева и отвезен в Новгород, где и воспитан; на севере христианство было мало знакомо, язычество господствовало здесь вполне; в борьбе с Ярополком Владимир явился с северными полками, набранными из скандинавов, новгородцев, кривичей, финнов — все ревностных язычников; этот приплыв языческого элемента и был причиною торжества язычества в начале княжения Владимира. Но потом время и место взяли свое, язычество не могло долее противиться; языческая религия, которая удовлетворяла потребностям племен рассеянных, живших особно в родовом быте, не могла уже теперь удовлетворить киевлянам, познакомившимся с христианством. В Совете Владимира было решено, что христианство есть лучшая вера. Не станем повторять дальнейших подробностей о том, как Владимир, не смея прямо приступить к такому великому делу, говорит: «Подожду еще немного» — и предпринимает поход в Корсунь; заметим, что это предание так верно и естественно, что мы имеем право принять его; оно показывает нам, как Владимир дает обет принять христианство, если Бог христианский поможет ему: мы знаем, что это не первый вождь языческого народа, который принимает христианство вследствие подобных обетов.

И вот Владимир возвращается в Киев христианином, сокрушает идолов; духовенство, приведенное им, проповедует христианство по улицам города. Многие, давно знакомые с христианством, с радостью принимают его; другие колеблются, как прежде колебался и Владимир; некоторые же упорно стоят за старую веру. Тогда Владимир употребляет средство сильнее: он объявляет, чтобы на другой день

весь народ явился к реке, и, кто не явится, тот будет врагом князю. Те, которые колебались, ждали чего-нибудь решительного, с радостью пошли теперь к реке, руководствуясь примером князя и бояр, говоря, что если бы христианство не было лучшею религиею, то князь и бояре не приняли бы его. Некоторые, по словам митрополита Илариона, шли неохотно, из страха пред повелевшим; некоторые же, закоренелые язычники, удаляются из Киева, скрываются в лесах и степях. Это известие об удалении некоторых язычников в леса и степи можно принимать в связи с известием об умножении разбоев: закоренелые язычники, удалившись от общества, разумеется, должны были враждебно против него действовать.

Любопытно, что богатыри Владимира, по преданиям, вооружаются против разбойников; все это может вести ко мнению, что эта борьба хотя отчасти носила характер религиозный; приводят разбойника — его отдают митрополиту; разбойник кается в доме последнего. Как бы то ни было, в Киеве христианство принялось без больших затруднений. Но не так было там, где оно не было еще знакомо, — у племен северных и восточных, которые жили еще в простоте первоначального быта, для которых старая языческая религия была еще удовлетворительна. Любопытно видеть, что христианство распространялось у нас тем же путем, каким вначале распространялась и государственная область: проповедники, митрополиты и другие духовные лица идут по великому водному пути — из Киева в Новгород, потом белозерским путем до Ростова. Но христианство встречает здесь, на севере, сильные препятствия: язычество, не удовлетворяясь страдательным противоборством христианству, осмеливается иногда прямо и явно наступать на него; являются иногда волхвы и явно возмущают народ против христианства. Большие смуты произвели они в Ростовской области, так что князь Ярослав должен был сам отправиться на север для усмирения волнений; в Новгороде один волхв возмутил народ до того, что когда епископ вышел с крестом в руке, то на стороне волхва стало все народонаселение; на стороне епископа остался один князь с дружиною, и только особенная смелость князя помешала исполниться намерениям волхва.

Для окончательного торжества христианства и низложения язычества греческое духовенство присоветовало Владимиру меру

самую действительную: христианство не могло с надлежащим успехом распространяться среди старого поколения, которое было воспитано в язычестве и потому жило прежними, языческими понятиями; с другой стороны, родители, пропитанные языческими понятиями, не могли воспитать новое поколение в понятиях христианских: и вот по совету греческих епископов Владимир отбирает у лучших граждан детей и отдает их по церквам духовенству учиться грамоте и вместе догматам христианским, воспитываться в христианском духе. Сын его Ярослав то же самое делает в Новгороде. Св. Леонтий подобным же образом поступает в Ростове: не имея возможности сладить с упорным язычеством, Св. Леонтий обращается к молодому поколению, собирает около себя детей и воспитывает их в христианстве, за что и терпит страдальческую кончину от родителей этих детей. Но в Киеве и Новгороде эта мера удалась как нельзя лучше: новое, молодое поколение, воспитанное христиански и выученное грамоте, имело средство узнать догматы новой религии и действовать гораздо сильнее против прежней.

Теперь рассмотрим, каковы были подвиги этого нового, молодого поколения, поколения грамотного, наученного догматам своей религии. Представителями его являются в семействе княжеском уже дети Владимира, и, во-первых, любимые его сыновья — Борис и Глеб. Легко понять, что христианство по самому характеру своему должно было прежде всего подействовать на самые нежные отношения, на отношения семейные, родственные, должно было скрепить их и дать им большую мягкость и нежность. Это и видим мы в Борисе и Глебе, в этих образцах братской любви и благоговения к началам семейным; они падают жертвою этих новых понятий, новых чувств; они являются первыми гражданами нового мира, первыми борцами нового христианского общества против языческого. Потом представителем нового поколения является третий сын Владимира — Ярослав, который был великим князем. Ярослав, говорит летопись, был христианин и умел читать книги; эти два сопоставления чрезвычайно важны; именно по понятиям тогдашнего общества христианство и грамотность были нерасторжимы; следовательно, Ярослав был полным представителем нового поколения. Умея сам читать книги, будучи настоящим христианином, зная догматы своей веры, Ярослав заботился, чтобы и другие имели те же знания: он собирает писцов,

которых заставляет переводить, переписывать книги; в Новгороде, как сказано выше, отбирает у лучших граждан детей и отдает их учиться, строит церкви, дает от себя содержание приставленным к ним священникам, которым поручает учить народ. Потом, после смерти княжеской, представителем нового поколения является митрополит Иларион, которого, понимая различия и превосходство нового порядка вещей перед старым, старался и другим показать это превосходство.

Но этого еще было мало; новое поколение грамотных христиан должно было выставить проповедников не слова только, но и дела — и оно выставило целый ряд подвижников, которые жизнью на самом деле доказали явно превосходство нового порядка вещей и дали окончательное торжество христианству. Мы говорим об этих великих подвижниках христианства, о древних наших иноках, преимущественно иноках Киево-Печерского монастыря, который имеет такое важное значение в нашей древней истории. Как прежде русские люди из Киева ходили в Грецию за добычей, за славой, так теперь новое поколение, воспитавшееся в христианстве, путешествует в Грецию, но не за добычей, не за славой, а за тем, чтобы получить там окончательное просвещение, окончить свое христианское, духовное воспитание.

Таков был Святой Антоний, который отправился с этими целями в Грецию, возвратился иноком и положил основание Киево-Печерской обители. Кроме Антония мы видим еще другого представителя нового поколения: это был Святой Феодосий. В жизни Феодосия всего легче можно видеть эту борьбу старого поколения с новым и торжество последнего. Предание говорит, что когда Владимир велел отбирать детей у лучших людей для учения, то матери-полуязычницы плакали по своим детям, как по мертвым: такова была мать и Св. Феодосия. В самой ее любви представитель нового поколения встретил сильное препятствие своим намерениям: она не хотела, чтобы он посвятил себя исключительно религии. Но Феодосий преодолел все препятствия, ушел в Киев, явился к Антонию, вступил в монастырь и был после него игуменом. Но кроме Антония и Феодосия Печорский монастырь выставил целый ряд подвижников христианства, которые своим примером, своими делами так много способствовали распространению христианства в областях русских.

Показав средства, какими христианство распространялось и утверждалось на Руси, обратимся к влиянию этого нового могущественного начала на гражданский быт юного русского общества. Немедленно после принятия новой веры мы видим уже епископов советниками князя, истолкователями воли Божией. Но христианство принято от Византии. Русь составляет одну из епархий, подведомственных Константинопольскому патриарху; для русского духовенства единственным образцом всякого строя служит устройство византийское: отсюда понятно будет гражданское влияние греко-римского мира на юное русское общество. Церковь, по главной задаче своей — действовать на нравственность, должна была прежде всего обратить внимание на отношения семейные, которые по этому самому и подчинились церковному суду. Легко понять, какое влияние должна была оказать церковь, подчинив своему суду отношения семейные, оскорбление чистоты нравственной и преступления, совершавшиеся по языческим преданиям. Духовенство своим судом вооружилось против всех прежних языческих обычаев, против похищения девиц, против многоженства, против браков в близких степенях родства, против насильственных браков. Церковь взяла женщину под свое покровительство и блюла особенно за ее нравственность, возвысила ее значение, постановивши обязанности детей к матери наравне с обязанностями к отцу. Семья, до сих пор замкнутая и независимая, подчиняется надзору чуждой власти; христианство отнимает у отцов семейств жреческий характер, который они имели во времена языческие; подле отцов плотских являются отцы духовные; что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежит суду церковному. Нужно ли прибавлять, что такое влияние церкви на семейный быт могущественно содействовало к переходу народонаселения от старых форм родового быта к новым, гражданским.

ЧТЕНИЕ ТРЕТИЕ

В прошедших беседах мы видели, как образовалось русское общество и как духовное, религиозное начало действовало при этом образовании. Мы видели, что пред призванием князей племени, обитавшие в областях нынешней России, жили в формах родового быта. При содействии правительственного начала, дружины и церкви, эти формы быта начали уступать место другим гражданским формам. Но родовой быт оставался еще столько могущественным, что в свою очередь действовал на изменявшие его начала, и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ее начинают господствовать чисто родовые отношения, тем более что род Рюрика как род правительственный не мог подчиняться влиянию никакого другого начала.

Князья считают всю Русскую землю в общем нераздельном владении целого рода своего, причем старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи, смотря па степени своего старшинства, занимают другие столы, другие волости, более или менее значительные. Когда умер старший, или великий, князь, то достоинства его вместе с главным столом переходят не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском, который и перемещается на главный стол, а вместе с этим перемещаются и остальные родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства. Связь между старшими и младшими членами рода была чисто родовая, а не государственная. Когда великим князем был отец, дед, то отношения его к младшим членам рода, сыновьям, внукам, были прочны, определены, ясны; но когда с умножением членов рода великим князем бывал троюродный или четвероюродный дядя или брат, то родственные отношения необходимо ослабевали, а с тем вместе ослабевало уважение, повиновение младших старшему, особенно когда замечали стремление старшего блюсти более выгоды ближайших родичей, ослабевала общая связь рода, увеличивались случаи к враждебным столкновениям между его членами.

Завязались споры между различными линиями о старшинстве, одна линия начала исключать другую. Народонаселение волостей

вмешалось в эти споры, стало выбирать князей, которые были ему любы, не обращая внимания на родовые счета Рюриковичей: отсюда новые смуты, новая запутанность, новые усобицы. Мы упоминали, что в отношениях между князем и подчиненным народонаселением оставались еще неопределенности; но князья не имели возможности определить точнее своих отношений к народонаселению волостей, потому что все внимание их было поглощено собственными их родовыми счетами и борьбою, вследствие этих счетов происходившею; доискиваясь старшинства, они переходили из одной волости в другую, не занимаясь установлением прочного порядка вещей в последних, оставляя все по-прежнему.

Таким образом, мы видим, что причиною усобиц, нестроений, характеризующих эпоху от смерти Ярослава I, был тот же родовой быт, для выхода из которого северные племена призывали первых князей. Теперь, следовательно, для прекращения беспорядков, усобиц в самом роде княжеском нужно было, чтобы в нем самом повторилось то же явление, чтобы в нем самом родовые отношения упразднились, уступили место государственным; чтобы старший в роде князь явился государем относительно младших, а последние подчинились его власти как подданные. Для этого, во-первых, нужно было, чтобы великий князь начал иметь не одно родовое значение, как только старший, но чтобы он стал смотреть на остальных родичей как на подданных и при этом имел бы довольно материальной силы, чтобы заставить родичей смотреть на себя как на государя. Во-вторых, нужно было, чтобы князья перестали считать всю землю общим достоянием целого рода, но чтобы каждый утвердился навсегда в своей волости, начал заботиться об увеличении своих материальных сил, расширять свои владения на счет других; чтобы сильнейшие князья начали собирать Русскую землю, присоединяя к одной большой области другие, меньшие. Это явление, перемена в характере великих князей и перемена во взгляде на собственность, произошло на севере, в области Верхней Волги, в княжестве Ростовском; первый князь, который решился изменить родовые отношения, начал поступать не так, как старший в роде, но как государь, был Андрей Боголюбский. Что же за причина этой перемены? Каким образом. Андрей Боголюбский получил мысль о ее возможности и необходимости? Так как перемена эта произошла на севере, то там должно искать и причину ее.

В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустынные пространства и населяет их; государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации; господствующее племя славянское выводит поселения свои все далее и далее в глубь востока. Всем племенам Европы завещано историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено совершать это дело морским, восточному племени — славянскому — сухим путем. Мы видим с самого начала, что князья наши преимущественно заботятся о населении пустынных пространств, о построении городов; сперва населялись страны юго-западные, потом колонизация шла далее на северо-восток.

Часть населения Северо-Востока, пустынной области Верхней Волги, преимущественно принадлежит Юрию Владимировичу Долгорукому, построившему здесь целый ряд городов, куда он сводил народонаселение из разных мест, из разных племен. Эта новонаселенная область, эти новые города обязаны были князю своим политическим существованием, были его собственностью: князь был здесь хозяином полновластным, здесь не было места никакой неопределенности в отношениях. Среди этого-то нового мира, на этой-то новой почве родился, вырос и возмужал сын Юрия Долгорукого, знаменитый Андрей Боголюбский. С лишком тридцать лет прожил он на севере, принял на себя впечатления окружавшей среды, воспитался в иных отношениях, чем какие существовали между князем и городами на юге; воспитался в отдалении от остальных линий княжеского рода, в отчуждении от их привычных интересов, и тем способнее, следовательно, был он для того, чтобы выделиться из рода, порвать с ним связь. И вот когда в зрелом мужестве явился он на юг, то чужд и враждебен показался он ему; он спешил удалиться на свой родной север, и, когда досталось ему старшинство в целом роде, когда все князья признали его великим князем, Андрей обнаруживает попытку к переменам существующего порядка вещей, имея по отношению своим к северному народонаселению полную свободу действовать и привыкнув пользоваться этою свободой, что давало ему и силу материальную, и сообщало ему единство и постоянство его стремлениям.

Андрей переменяет обращение с младшими князьями-родичами; последние изумились этой перемене, поняли всю опасность для себя от нее и вооружились против новизны. «Мы признали тебя старшим, — говорили они Андрею, — а ты поступаешь с нами не как с родственниками, но как с подручниками». Роковое слово было произнесено, слово новое для выражения понятия нового, понятия подручника, подданного вместо родича. Но этого мало: ставши великим князем, старшим в роде, Андрей не поехал на юг, в Киев, стольный город всех прежних великих князей, он остался на севере, в своей прежней волости, и оттуда распоряжался делами юга.

Пример подан, почва приготовлена для нового порядка вещей; и северные князья, преемники Андрея, следуют его примеру, пользуются приготовленными им средствами. Они не обращают внимания на родовые отношения, родовые счета, смотрят на себя как на владельцев отдельных областей; не переходят из одной волости в другую, но постоянно живут в одной. Великие князья, пользуясь старшинством, заботятся о том, как бы усилить свои материальные средства, удержать власть и силу в своей семье, дать первенство своему княжеству, увеличить его на счет других. Младшие князья хорошо понимают стремление великих князей, противоборствуют им всеми средствами; но когда один из младших достигнет старшинства, то начинает действовать точно так же, как его предшественник, против которого он сам прежде вооружался. Понятно, что такой великий переворот не мог совершиться скоро; для этого нужны были века борьбы постоянной и кровавой. Наконец, княжество Московское вследствие разных благоприятных обстоятельств пересиливает все остальные; московские князья начинают собирать Русскую землю: постепенно подчиняют и потом присоединяют они к своему владению остальные княжества; постепенно в собственном роде их родовые отношения уступают место государственным, удельные князья теряют права свои одно за другим.

Характер явлений, которые мы видели на севере, условливался также самим характером народонаселения северного. Природа роскошная, с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего, как телесную, так и умственную; пробужденный раз вспышкой страсти, он может оказать чудеса, но такое напряжение сил не бывает продолжительно. Природа, более

скупая на свои дары, требующая постоянного нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели — понятно, что народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию народы окружные, отличающиеся другим характером; таково народонаселение Северной Руси, как оно является в истории. Несмотря на то что Юго-Западная Русь, преимущественно Киевская область, была главной сценой древней нашей истории, пограничность ее, близость к полю, к степи, жилищу варварских кочевых народов, делали ее не способною стать государственным ядром для России; отсюда Киевская область вначале и после носит характер пограничного военного поселения до полного государственного развития, начавшегося в Северной Руси.

В Южной Руси, в области Днепровской, зачалась и развилась древняя русская жизнь во всей широте, при всей неопределенности отношений, характеризующей обыкновенное общество юное, только что начавшее жить самостоятельную жизнью. Вследствие родовых отношений князья с своими дружинами переходили из одного города в другой; подле, в степях кочевали азиатские хищники, грабившие Русь; на границах степей жили разноименные народцы, составлявшие переход от степняков, или половцев, к оседлому народонаселению. Не могли, по слабости своей, быть самостоятельными между половцами и Русью, все эти народцы примкнули к последней, стали служить князьям ее и в войнах с половцами, и в распрях междоусобных, выбирая вместе с гражданами князей, которые были им любы или которые были сильны. Таковы были составные части народонаселения в Древней Руси; но все это было, выражаясь словами поэта, только еще несогласные начала вещей в общественном хаосе (*discordia semina rerum*): князья с дружинами жили сами по себе; города — сами по себе, пограничные народцы — сами по себе. Князья были большею частию необыкновенно храбры, умели и у себя дома, и в чужих странах честь свою взять; дружины уподоблялись своим вождям. Но что значила вся эта храбрость при таком беспорядке? Легко было перессорить князей-родичей, ничего не стоило разрознить интересы князей с интересами граждан и пограничных народцев: вот почему

древняя Южная Русь, несмотря на внешний блеск своего быта, не могла устоять ни против стремления северных князей, потомков Долгорукого, ни против натиска азиатской орды. Войска Боголюбского опустошили Киев, который принял князя от руки завоевателя; при брате Боголюбского киевские князья признавались, что не могут обойтись без могущественного северного собственника, и когда явились монголы в первый раз, то Южная Русь хотя выслала против них сонм своих князей-витязей, но эти князья завели распрю и погубили рать; когда же явились монголы во второй раз, то враждебные друг другу князья умели соединиться только в общем бегстве в чужие страны: граждане старых городов не могли и представить себе возможности соединения и поодиночке полегли в развалинах. Такова была судьба Южной, старой Руси.

Различие в характере северного и южного народонаселения обозначается приметно в источниках нашей истории: иностранцы-современники хвалят храбрость дружин Южной Руси; они отличались стремительностью в нападениях, но не отличались стойкостью. Противоположные отзывы встречаем о населении Северной Руси: оно не любит вообще войны, не отличается стремительностью натиска; но где нужно стать крепко и защищаться, там оно неодолимо; здесь, на севере, образовался тот русский воин, которого, по известному выражению, можно убить, но не сдвинуть с места. Северное русское народонаселение, как сказано, не отличается в истории порывистыми движениями; в поведении его мы замечаем преимущественно медленность, осторожность, постоянство в достижении цели; обдуманность, медленность, осторожность в приобретении, стойкость в защищении приобретенного. Соответственно характеру народонаселения все на севере принимает характер прочности. О дружинах южных летописец говорит, что они храбро бились с врагами и расплодили Русскую землю. Таково точно назначение старой, Южной Руси: расплодить, распространить Русскую землю, наметить границы.

Но Руси Северной выпал удел — закрепить приобретенное, связать, сплотить части, дать им внутреннее единство, собрать Русскую землю. И вот князья Северной Руси являются полными представителями своего народа, превосходно выполняют назначение Северной Руси. В их поведении мы не замечаем того блеска, какой

видим в поведении князей-витязей Юга, смотревших на битву как на суд Божий и при всяком споре прибегавших к этому суду. Северные князья-собственники не любят решать споров своих оружием, прибегают к нему только в крайности или тогда, когда успех несомненен; но от неверной битвы не любят ставить в зависимость того, что приобретено, промышлено долгими трудами. Южные князья прежде всего думают, как бы в битве взять свою часть; северные князья прежде всего думают, как бы без неверной битвы получить пользу для своего владения. Все они похожи друг на друга; в их бесстрастных ликах трудно уловить историчу характеристические черты каждого; все они заняты одною думою, все идут по одному пути, идут медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступает шаг вперед пред своим предшественником; каждый готовится для своего преемника возможность ступить еще шаг вперед.

Благодаря этой неуклонности, постоянству в стремлениях северных князей великая цель была достигнута: родовые княжеские отношения рушились, сменились государственными; в княжеских договорах, завещаниях, мы видим ясно постепенность этой смены, пока наконец в завещании Иоанна IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя. Это главное, основное явление — переход родовых отношений между князьями в государственные — обуславливает ряд других явлений. Господство родовых отношений между князьями имело, как необходимо следует ожидать, могущественное влияние на весь общественный состав Руси, имело могущественное влияние городов на положение дружины: когда родовые отношения между князьями начали сменяться государственными, то эта смена должна была отозваться во всем общественном организме, должна была повлечь изменения и в быте городов и в положении дружины. Отсюда ясно, что великие князья Московские в своих государственных стремлениях должны были встретить сопротивление не со стороны одних князей-родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытие или по крайней мере поддерживалось родовыми княжескими отношениями.

Здесь первое место занимает привычка дружинников переходить от одного князя к другому, которую они приобрели в то время, когда

Землею владел нераздельно целый род княжеский, и которую они должны были потерять, когда явилось единовластие. Не имея теперь возможности переходить от одного князя к другому в Русской земле, многие из дружинников считали себя вправе отъезжать к чужим государям. К этим противогосударственным стремлениям дружинников присоединились еще противогосударственные стремления потомков прежних князей, которые продолжали питать вражду к новому порядку. Борьба со всеми этими стремлениями и была причиною тех печальных явлений, которые имели место в царствование Иоанна IV. Во время этой борьбы Иоанн IV задал вопрос одному из самых ревностных приверженцев старины, князю Курбскому: «Что лучше — настоящий ли порядок вещей, когда государство успокоилось, пришедши в порядок при едином государе, или прежнее время, когда усобицы терзали Землю?» На этот вопрос отвечал не Курбский: на него отвечала вся Земля, все Московское государство. Но прежде, нежели обратимся к этому ответу, скажем несколько слов о тех обстоятельствах, при которых произошла великая перемена в жизни русского общества, и о следствиях этой перемены во внешних отношениях.

Мы видели, что Русское государство, основанное на границе Европы с Азией, должно было вести постоянную борьбу со степными варварами. От половины IX века до 40-х годов XIII в этой борьбе не было перевеса ни на стороне кочевых орд, ни на стороне славянских племен, объединенных под именем Руси. Печенеги и за ними половцы наносят иногда сильные опустошения Приднепровью; но за то иногда и русские князья входят в глубь степей их, за Дон, и пленят их вежи. Но от 40-х годов XIII века до исхода XIV берут перевес азиатцы, в лице монголов. Не имея тех прочных основ государственного быта, какими обладала Северная Русь, Южная Русь после монгольского опустошения подпала под власть князей Литовских. Это обстоятельство не было губительно для народности южнорусских областей, потому что литовские завоеватели приняли русскую веру, русский язык — все оставалось по-старому; но губительно было для русской жизни на Юго-Западе соединение всех литовских владений с Польшею вследствие восшествия на польский престол Литовского князя Ягайла. С этих пор Юго-Западная Русь должна была вступить в борьбу с Польшею за свою народность, основой которой была вера;

успех этой борьбы, возможность для Юго-Западной Руси сохранить свою народность обуславливались ходом дел в Северной Руси, ее самостоятельностью и могуществом. Монголы опустошили значительную часть Северной Руси, наложили дань на жителей, заставили князей брать от своих ханов ярлыки на княжения.

Так как для нас предметом первой важности была смена старогорядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные, от чего зависело единство, могущество Руси и перемена всего внутреннего порядка, и так как начало нового порядка вещей на Севере мы замечаем прежде монголов, то монгольские отношения должны быть важны для нас в той мере, в какой содействовали или препятствовали утверждению этого нового порядка вещей. Мы замечаем, что влияние монголов не было здесь главным и решительным. Монголы остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все, как было, следовательно оставляя в полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на Севере прежде них. Ярлык ханский не утверждал неприкосновенным на столе ни великого, ни удельного князя, он только обеспечивал волости их от татарского нашествия; в своих борбых князя не обращали внимания на ярлыки: они знали, что всякий, кто свезет больше денег в Орду, получит ярлык преимущественно пред другими и войско на помощь. Независимо от монголов обнаруживаются на Севере явления, знаменующие новый порядок, — именно ослабление родовой связи, восстание сильнейших князей на слабейших мимо всех родовых прав и счетов, старание приобрести средства к усилению своего княжества на счет других; монголы в этой борбых являются для князей только орудиями.

Когда борба кончилась усилением одного княжества на счет всех других, то новое государство пользуется своим единством и силою для того, чтобы победить монголов и начать наступательное движение на Азию. С другой стороны, усиление Северной Руси вследствие нового порядка вещей обуславливает успешную борбу ее с королевством Польским, постоянною целью которой становится соединение обеих половин Руси под одною державою; наконец, соединение частей, единовластие, окончание внутренней борбы дает Северной Руси, или Московскому государству, возможность войти в сношения с

европейскими государствами, готовить себе место среди них. В таком положении находилась Русь в конце XVI века, когда пресеклась Рюрикова династия.

ЧТЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В прошлых беседах я упоминал о том главном явлении нашей истории, что племена славянские, поселившиеся изначала на западе, выселялись постепенно на восток; следовательно, историку русскому при объяснении явлений отечественной истории никак не должно упускать из виду этого важного обстоятельства, этого постепенного заселения диких, пустынных стран. Но обыкновенное явление, сопровождающее всегда колонизацию, есть борьба, которую должны выдерживать колонисты с прежним варварским населением: отсюда и в нашей истории эта постоянная борьба с жителями степей. Но мало того: для государства, которое образовалось с помощью колонизации населения, необходимо предстояла борьба с другим элементом, полуварварским, ибо некоторые передовые отряды населения, вдавшегося все глубже и глубже в пустыню, дичают уже по тому самому, что, оторвавшись от государства, находятся в ближайших сношениях с дикарями. Отсюда русскому обществу, которое образовалось посредством колонизации, необходимо было выдержать сильную борьбу, с одной стороны, с азиатскими кочевыми ордами, с другой — с теми одичалыми передовыми отрядами, которые хотя иногда сами оказывали большую помощь государству, ратуя против степных кочевников, но вместе с тем, будучи полудикарями, враждебно смотрели на установление государственного порядка и со своей стороны не менее азиатских орд причиняли бедствия юному государству.

Вредная деятельность этого пограничного народонаселения сказалась преимущественно в начале XVII века, когда на государство Русское послано было страшное испытание. Династия Рюрикова, давшая столько нарядников Русской земле, пресеклась; крамолою свергнут был Годунов, крамолою возведен и свергнут Шуйский; нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием, части разрознились в противоположных стремлениях. Земля замутилась. Тогда-то открылось свободное поприще действовать тем, которые не хотели установления наряда, тем полудиким толпам, которые основали свое пребывание на

границах государства; они кинулись с разных сторон на последнее; к ним пристали внутри государства те, которым хотелось жить на счет государства. Польша выслала в Московское государство толпы своих отверженников общества. Началась страшная борьба, в которой новорожденному Московскому государству надлежало, по-видимому, погибнуть; ибо со всех сторон сыпались на него страшные удары, которые трудно было выдержать, а между тем общественные основы, на которые оно могло опереться, час от часу слабели более и более. Негде было искать спасения. Лучшие, энергические люди, около которых можно было сосредоточиться, погибли жертвами безнарядья; люди, разрознившие свои интересы с интересами государства, брали явно верх.

Но в это-то страшное время сказала вся сила, все действие того порядка вещей, который окончательно утвердился при Московских государях. Единство религиозное и государственное было так сильно, что, несмотря на все удары, на все бедствия, общество умело соединиться, по-видимому, без всяких внешних средств, соединиться духовно, внутренне, руководствуясь привычным стремлением к единству религиозному и государственному. Земля собралась и очистила государство; народ, по современному выражению, встал как один человек для этого очищения. Тогда-то одинответ на вопрос Иоанна IV Курбскому: что лучше — прежнее время, когда Земля гибла в междоусобиях, или настоящее, когда она успокоилась единовластием? После страшного испытания Земля дает торжественный ответ на этот вопрос: Земский Совет объявляет, чтобы все было так, как было при прежних великих государях, и выбирает новую династию.

Бедственно было, однако, состояние государства после этого великого испытания; силы его были истощены. Молодой царь, которого избрала Земля, спрашивал у послов Земского Совета: где же средства для управления государством; где ручательство, что прежние смуты не повторятся? Послы выставили ручательством то, что все люди Московского государства уже наказались, то есть узнали по опыту пользу прежних государственных стремлений; узнали, для кого нужны были смуты, самозванцы, кто их поддерживал. И точно, по вступлении на престол царя из новой династии Московское государство показало явно, что его жители наказались уже. Несмотря

на страшное расстройство сил государственных; несмотря на то что при таком расстройстве государство должно было еще бороться с сильными врагами внутренними и внешними, первому государю из новой династии удалось успокоить Землю. Во всех затруднительных обстоятельствах он созывает Соборы и всегда находит здесь нужный совет и средства для установления порядка.

Царствование первого государя из новой династии протекло в этом установлении наряда. Но кроме установления наряда мы должны обратить внимание на те новые стремления и новые потребности, которые высказались при этом. Еще гораздо прежде, и особенно во время смут, Московское государство узнало, что для успешной борьбы со внешними и внутренними врагами необходимо было переменить военный строй, потому что при старом строе русские войска оставались почти всегда побежденными. И вот в царствование первого государя из новой династии начинаются преобразования: при Михаиле Феодоровиче уже видим полки, набранные из иностранцев.

Но этого мало: при нем же мы видим и русские полки, выученные иностранному строю; образовались конные — рейтерские, драгунские полки, пехотные — солдатские. Окончательное преобразование войска совершилось в XVIII веке. Но это преобразование военного строя вело необходимо к более важным преобразованиям; оно должно было переменить отношения прежнего разряда ратных людей, носивших название дворян и детей боярских; должно было переменить и отношения тех родов, которые вследствие местничества выдвинулись на первые места в государстве. Западные европейские государства образовались посредством того, что варвары-завоеватели вступили на римскую почву, вследствие чего начало, принесенное германцами, пришло в столкновение с государственным началом, завещанным Римскою империею. У нас также видим дружину, но она вступила на почву девственную, где никакое государство не оставило следов своих. У нас дружина должна была войти в столкновение с племенами, которые жили под формами родового быта; отсюда необходимое столкновение начала дружинного, начала служебного с началом родовым, отчего произошло известное явление — местничество.

Мы видели, как сильно было родовое начало; если оно так долго господствовало в междукняжеских отношениях, то должно было господствовать и в отношениях дружинных. Но теперь упадок родовых

отношений вообще, смена их государственными и необходимость нового военного устройства должны были повести к уничтожению местничества, и вот при царе Феодоре Алексеевиче на Соборе оно было проклято как Богу ненавистное дело. За уничтожением местничества должно было последовать то явление, что все разряды служилых людей без исключения известных родов, которые только вследствие местничества составили из себя что-то замкнутое, недоступное для других, — все разряды служилых людей должны были составить одно сословие, одно тело с равными правами для всех его членов. Должно было явиться дворянское сословие. Но преобразование военного строя должно было вести к другой перемене в быте ратных людей. До сих пор только при объявлении войны они должны были являться в полки, но в мирное время, живя в своих поместьях, они участвовали наравне с остальным народонаселением во всех явлениях областной жизни. Теперь же, когда оказалась нужда изменить военный строй, учредить постоянное войско, то служилые люди не могли уже оставаться в своих поместьях; они должны были выделиться из общей областной жизни, составить особенное сословие, особое тело.

В это же время при первых государях новой династии подтверждено было и то учреждение, которое также имело место по отношению к потребностям служилых людей. Здесь опять мы должны обратить внимание на то явление, которое имеет такое важное значение в нашей истории, на эту обширность и малонаселенность областей России и на постоянное стремление населить их. Мы заметили это стремление с самого начала русской истории. На Севере оно продолжалось. Князья дают своим подданным большие участки земли, дают большие льготы тем из них, которые привлекут на эти участки население из чужих областей. Но когда отдельные области вошли в состав одного государства, то стремление землевладельцев увеличивать население своих участков в ущерб другим явилось в противоположности с интересами государства: владельцы больших земельных участков разными льготами перезывали к себе крестьян с малых участков, розданных в поместья ратным людям, которые за это обязаны были по первому зову правительства являться в полки в полном вооружении, на конях и при-водить с собою известное число вооруженных людей смотря по величине поместья. Но ясно, что если

это поместье не имело надлежащего числа крестьян, презываемых постоянно на участки богатых вотчинников, то помещик, не получая доходов, не мог исполнять своих обязанностей, не мог являться на войну в исправности. Это заставляло правительство принимать меры к воспрепятствованию перехода крестьян от одного землевладельца к другому. Указания на эти меры мы видим ясно в конце XVI века; в XVII веке государи из новой династии подтверждают их вследствие жалоб мелких помещиков на то, что богатые вотчинники презывают их крестьян на свои земли. Если жалобы мелких владельцев продолжаются и имеют своим следствием меры правительства к удержанию крестьян на постоянных местах жительства, то мы имеем полное право заключить, что и в XVI веке эти меры являются следствием тех же жалоб.

Но одним начальным преобразованием военного строя не ограничились первые государи новой династии. Были и другие, столь же важные, нудящие потребности. Мало было завести постоянное войско, нужно было содержать его; нужно было умножить доходы государства. Главным источником доходов должна быть промышленность, торговля; и вот уже при первом государе новой династии видим вызов из-за границы ремесленников, людей, способных завести разные промыслы. Правительство требует от них, чтобы они выучили русских своим мастерствам, утвердили их в России. Так, при Михаиле Феодоровиче видим, что правительство дает 10-, 15-, 20-летние привилегии тем из иностранцев, которые захотят завести в России фабрики и заводы; при Михаиле Феодоровиче были заведены кожевенные, стеклянные, канительные, железные заводы. Около Астрахани и на Тереке заведено виноделие и шелководство.

Но не одних ремесленников и фабрикантов вызывало правительство. Были другие потребности, которые можно было удовлетворить только утверждением науки, и вот Михаил призывает известного ученого Олеария и пишет к нему: «Мы знаем, что ты человек ученый, что ты географ, астроном, землемер; а нам такие люди нужны». Если деду понадобился географ, астроном и землемер, то неудивительно, что внуку понадобилась Академия наук. Но просвещение необходимо было не для удовлетворения одним только материальным потребностям государства; оно было необходимо для очищения нравов: выборные, явившиеся на Собор по случаю взятия

Азова казаками, в своих ответах, или сказках, показали ясно необходимость главного улучшения нравственности, указали ясно на главное зло, от которого страдало общество и которое препятствовало утверждению государственного порядка, — на своекорыстное стремление отдельных интересов против интереса государственного. Против этого зла сильно ратовал внук Михаила, и вот в веке Екатерины II было найдено, что его можно устранить только просвещением, только просвещенным, нравственным воспитанием; век Екатерины откликнулся на требования, высказанные при первом государе новой династии. Но при этой потребности очищения нравственности народной не могло молчать то сословие, которое было поставлено хранителем чистоты нравственной, не могла молчать церковь, и вот в царствование трех первых государей новой династии церковь требует просвещения для улучшения народной нравственности. Прочтем окружное послание Ростовского митрополита Ионы, деяния и правила Соборов 1647 и 1681 гг. — и мы удивимся тождественности этих правил с теми правилами, которые являются при Петре и его преемниках. Здесь и там указывается на одно зло, указывается и одно средство для его уничтожения.

Но церковь имела и другие причины требовать просвещения: явились расколы — следствие невежества и грубости нравов; мало того, вследствие ближайшей связи с Польшей и другими соседними государствами явились стремления других вероисповеданий — католицизма и протестантизма — войти в Московское государство. Православной церкви нужно было бороться, с одной стороны, со своими раскольниками, с другой — с католиками и протестантами. Единственным средством к охранению чистоты православного учения было просвещение, и вот и свои пастыри, и восточные патриархи, приезжавшие в Россию, громко требуют заведения школ. Восточные патриархи, явившиеся по делу Никона, увещевают народ полюбить науку, увещевают пастырей церкви содействовать всеми силами к ее распространению, вследствие чего уже в царствование Михаила Феодоровича заведено было при патриархе Филарете первое училище, а в царствование третьего государя из новой династии, Феодора Алексеевича, при более сильных потребностях заведена была Славяно-греко-латинская академия, и этой академии церковь поручила блюсти за чистотою православного учения.

Так, при трех первых государях новой династии в течение XVII века обозначались явно новые потребности государства и признаны были те же средства для их удовлетворения, которые были употреблены в XVIII веке, в так называемую эпоху преобразования.

Но, говоря об этой деятельности, мы не можем не упомянуть имен трех главных деятелей, содействовавших означенному направлению, — имен Никона, Ордина-Нащокина и Матвеева. Никон по своей энергии и ясному взгляду мог лучше других понимать потребности церкви и удовлетворять им. При нем были исправлены книги. Нас приверженцы невежества называют никонианцами, и это название требует, чтобы мы с благодарностию вспоминали о Никоне. Кроме того, он отличался неусыпными стараниями о чистоте нравственности, об утверждении благочиния в церквях, мона-стырях, вследствие чего должна была улучшиться и нравственность самого народа.

Что касается до двух поименованных нами светских лиц, то сын бедного псковского дворянина Ордин-Нащокин достиг личными достоинствами до высших государственных степеней: он был хранителем государственной печати, что соответствует настоящему званию министра иностранных дел. На этом важном посту Нащокин понимал новые потребности Московского государства; понимал ясно, что Посольский приказ, находившийся под его ведением, должен был переменить свой характер вследствие более тесного сближения с государствами европейскими. Понимая необходимость преобразования, он вооружался против тех лиц, которые, служа в Посольском приказе, не имели понятия о внешних сношениях и развлекались другими, несовместными с их положением занятиями. Понимая важное значение Посольского приказа, Нащокин называл его оком России, которым она должна смотреть на другие государства, и требовал, чтобы око это было чисто; потребность преобразования Посольского приказа была дознана еще при царе Михаиле, когда важное дело при датском дворе было поручено иностранцу Марселису, по неспособности русских послов. В образованности самого Нащокина свидетельствуют иностранцы; они говорят, что он не уступал в нем ни одному из современных иностранных министров.

О широте планов Нащокина свидетельствуют его намерения относительно торговли с Востоком; он хотел, чтобы Россия была

средоточием торговли между Европой и Азией — желание, которое хотел потом исполнить Петр Великий. Нащокин заключил договор с армянскою компаниею, вследствие которого армяне, жившие в Персии, обязывались весь шелк, собираемый в персидских областях, доставлять исключительно на русские рынки. Нащокин заботился также и о заведении русского флота. Неблагоприятные обстоятельства помешали русским овладеть прибалтийскими провинциями в царствование Алексея Михайловича; первый русский корабль назначен был для Востока, для Каспийского моря, для Волги. Знаменитый «Орел» был сожжен казаками Разина; но мысли о заведении флота нельзя было истребить; она приведена в исполнение Петром.

Скажем и о Матвееве. Матвеев подобно Нащокину понимал ясно новые потребности государства и стремился удовлетворить их. Что всего было важнее в обоих этих людях, так это то, что они умели показать превосходство просвещения на самих себе. Ордин-Нащокин был человеком высокой нравственности; до нас дошла грамота, в которой царь жалует его местом и при этом, после подвигов гражданских, вычисляет его высокие христианские подвиги; со службою государственною он умел соединить служение страждущей меньшей братии. Окончив государственную деятельность, Ордин-Нащокин постригся в монахи, но и здесь показал он, как понимал обязанности инока христианского: он завел больницу, приставил к ней монахов и сам служил больным. О Матвееве отзываются иностранцы, что человек, которого народ называет своим отцом, выше всякой похвалы. Матвеев показал свой ясный взгляд, свою энергию в военной и гражданской службе; он пользовался неограниченною доверенностию царя Алексея Михайловича, участвовал с пользою почти во всех важнейших делах его царствования; а известно, что это царствование было обильно важными явлениями.

Матвееву Московское государство обязано было устройением отношений между Великороссиею и Малороссиею; он часто бывал в Малороссии, знал природу страны и был способен определить ее отношения к Великой России. Столь же велики заслуги его и на поприще дипломатическом; занимаясь отношениями европейскими, он подобно Нащокину не спускал глаз с Востока, завел сношения с Китаем, пославши туда переводчика Спафари; наказ, данный Спафари

Матвеевым, показывает всего лучше ясный взгляд этого государственного человека. Но кроме того, деятельность Матвеева важна и в других отношениях. По отзыву иностранцев, он был образованнейший человек из своих современников, старался, чтобы и сын его был также образован; он первый украсил свой дом произведениями искусств; у Матвеева у первого рушилась преграда, отделявшая дотоле семейство хозяина от гостей; к нему собирались не для одних только пиров, но и для умной, трезвой беседы, и в этих беседах принимала участие хозяйка дома, жена Матвеева; девушка, воспитанная в доме Матвеева, перешла отсюда на престол. Легко понять, как она могла действовать на быт при дворе. Но этот быт долженствовал измениться еще и прежде вследствие сильного влияния, которое имел Матвеев, как друг царя. До нас дошло письмо Алексея Михайловича к Матвееву. «Приезжай поскорее, — пишет царь, — мои дети осиротели без тебя, мне не с кем посоветоваться».

И мы не можем не заметить плодов этого влияния: мы видим большую перемену в быте двора, которая объясняет нам воспитание и деятельность Петра. Явление сестры его Софии также объясняется отсюда: София воспитана уже совершенно иначе, нежели прежние царевны, затворницы в своих теремах; следовательно, явление Софии объясняется из тех же причин, как и явление Петра, и оба явления объясняют друг друга. Все уже носит характер новый, все показывает важные преобразования, которые явились прежде преобразований Петровых и которые объясняют их.

Такова была деятельность трех первых государей новой династии, имевшая место в продолжение XVII века. Здесь, на границе двух эпох, двух столетий, нам должно остановиться. Но мы не можем не сказать несколько слов о том отношении, которое имеет настоящий порядок вещей к этим двум эпохам. Мы видели, как в продолжение XVII века являлись громкие требования преобразования, требования просвещения, науки для обороны веры, для улучшения нравственности. В XVIII веке этим требованиям старались удовлетворить. Наука, просвещение были утверждены и в наш век принесли свой необходимый плод — народное самопознание. Теперь бесспорно самопознание является для нас одною из первых потребностей. Теперь признано, что интерес отечественной истории стал главным интересом нашей ученой литературы; мы видим, как

постоянно новые таланты посвящают себя занятию отечественною историею; видим, как со всех сторон обширного отечества собираются памятники, которые должны уяснить наше прошедшее. Вот плоды деятельности XVII и XVIII веков. Но самопознание по природе своей не исключительно, не односторонне, требует всех знаний, утверждается на них, питается ими. Теперь, при этом стремлении к самопознанию, не может быть спора об отношениях XVII и XVIII веков к векам предшествовавшим, XIX век показал отношение их; плод науки, просвещения — самопознание народное — соединяет древнюю и новую Россию.

Но стремление к просвещению явилось не в XVII только веке, оно явилось гораздо прежде. Священное предание о необходимости просвещения звучит из глубины XII века; оно пришло не из чужа: оно пришло вместе со светом божественной истины и из века в век передавалось оно как завет от предков к потомкам. Когда только еще образовалось русское общество, когда части его находились еще в брожении и борьбе — тогда в тесной келий монастыря началась наша летопись, и вот летописец, начав рассказ о том, как пошла Русская земля, как образовалось русское общество, на первых страницах своего труда написал эти простые, но бессмертные слова: «Велика бывает польза от учения книжного».

Вот священный завет, полученный нами от предков, и историк русский XIX века, если хочет быть верен своему народу, своей истории, должен повторить слова летописца XII века: велика бывает польза от учения книжного и велика бывает польза от народного самопознания.

1851

notes

Примечания

1

милостивые государи